

Молодой специалист Пол Лампьевич Транзисторов решил свой очередной отпуск провести в недалеком прошлом – лет семьдесят назад, когда его бабушка Роза Коловна еще в куклы самодельные играла.

В профкоме химкомбината ему выдали напрокат портативную машину времени, похожую на велосипед.

– Я бы тоже с тобой... – пожимая на прощание руку, сказал Кент. – Но меня не пустили: общественную работу слабо вел.

Посмотреть на безвозвратно канувшую старину, рыбки половить... Говорят, в прошлом природа была богатая, и народ, хоть тёмн, необразован, но широк душой, добр и приветлив.

В предвкушении счастья Транзисторов радостно нажал на педаль, и шумная улица, обрамлённая высотными зданиями и стриженными клёнами, пропала вместе с потоком машин и пешеходов. Он не боялся потеряться, ведь место для отдыха он выбрал знакомое – как раз то, где сейчас располагался город.

В глазах у него потемнело и уши заложило, как при взлете на старых аэробусах. Потом всё прошло. Транзисторов отстегнул ремни безопасности, спрыгнул в мягкую траву и огляделся.

Он стоял в берёзовом лесу.

Порхали бабочки, запах от поляны несло диковинный. Где-то пели птицы.

«Какое голубое небо, – удивился Транзисторов. – Разве небо бывает таким голубым? И птицы странные. Не воробьи, нет, явно не воробьи. И не вороны. Куда занесло? Может, спидометр отказал? Всучили неисправную технику...».

Транзисторов покосился на машину, сверкающую никелированными трубками в лучах полуденного солнца. Сильная штука.

Однако недавнего студента не стеснишь обстоятельствами. «Куда занесло, там и отдох-

ну», – решил он и стал упаковывать машину, отвинчивая трубки и складывая их в чемодан.

Когда он поднялся, перед ним стояла девушка в просторной одежде и босая. Хоть на лице её не было и тени косметики, а выцветший сарафан из грубой ткани похож на мешок, она казалась красавицей, и перепутанные ветром русые волосы удачно сочетались с зеленоватыми глазами. Только взгляд совсем неестественный – внимательный и добрый. Кто же теперь так смотрит, стоя в очереди, толкаясь в автобусе или принимая дома гостей?..

– Здравствуйте, – сказала она чисто и выразительно.

– Здравствуйте, – буркнул Транзисторов.

С девушкой этой он нигде не встречался, а она поздоровалась. Значит, в самом деле, он в прошлом. Он деловито подхватил чемодан и чехол со спиннингом.

– До города далеко?

– Вёрст двести будет, – незнакомка застенчиво улыбнулась.

«Смотри-ка, стеснительная, – отметил Транзисторов. – Может, глупая? Бывают такие люди – им палец покажи...».

– А сама ты откуда? – спросил он.

– Из Малой Щедрухи.

Каких только названий не придумают деревням большим и маленьким...

– Щедруха, – задумчиво пробормотал Пол, вспоминая историю края. – Большая Щедруха – ныне совхоз «Космический». А Малая – это где сейчас Новопромышленный район?

– О чем вы, барин? – опустила глаза красавица.

– Барин, – хмыкнул Транзисторов. – Какой я тебе барин? У вас и крепостное право ещё не отменили?

– Домой мне пора, – девушка отвернулась. – Грех не почитать родителей...

Она легко шагнула, будто вспорхнула, и скрылась за развесистой берёзой.

Транзисторов скис. Что хорошего в прошлом? Нравы здесь дикие. В бога верят. Попробуй объяснить неграмотным, что такое машина времени... Испортишь весь отпуск.

И всё же он пошёл вслед за незнакомкой – вернуться никогда не поздно. Будет полезно подышать лесным воздухом, флору и фауну изучить...

Деревенька раскинулась на пологом склоне холма. Приземистые домики теснили к ложине. Где-то в узеньких улочках, затерянных в заборах, беззлобно лаяла собака, словно считала вслух. С поля за околицей, где паслись два неприкаянных телёнка, прилетел терпкий запах свежескошенной травы.

Лето, видимо, стояло сухое, и дорога, иссечённая телегами, словно во сне, баюкала мелкую пыль. Ещё в низине покоились зловонные останки иссохшего озера или болота, там плавали гордые гуси и валялись свиньи.

К Транзисторову вернулось настроение: всё-таки богатая русская природа, и есть своеобразная красота в сельской жизни.

У крайнего дома Транзисторову встретился старик с лопатой и, сверкнув любопытными глазами, громко поздоровался. Транзисторов сдержанно кивнул в ответ – что ему нужно? Но старик улыбнулся и больше ничего не сказал.

Поздоровавшись, Транзисторова обогнал верховой на невзвужданной лошади.

От ближайшего забора прилетел женский возглас:

– Здравствуйте!

Транзисторов шёл через деревню, и с ним здоровались угрюмые бородатые старики и старухи, лузгавшие семечки, занятые по хозяйству женщины и чумазые дети. Всюду его встречали живые, внимательные глаза, любопытство переходило в смущение. Казалось, деревня заселена чудаками, у которых основное занятие – здороваться с первыми встречаемыми.

По спине Транзисторова пополз холодок. В прошлом году он в Сочи отдыхать приезжал – и то так не встречали. Что-то испортилось в Щедрухе. Мало ли кто куда ездит – разве с ним все здороваться должны?

Сбитый с толку, Транзисторов свернул в огороды и под лай окрестных собак, точно под оркестр, забрёл в чей-то двор.

Навстречу ему вышел худощавый мужик без рубашки и босиком.

– Куда путь держишь, добрый человек?

– Комнату бы снять, – выдавил Транзисторов.

– На постой, стало быть, – уточнил мужик.

– На постой заходи. Места хватит – не обидим. Издалека?

– В отпуск я приехал, – сообщил Транзисторов. Мужик, соображая, почесал небритую щеку и вдруг закричал так громко, что собаки снова подняли лай:

– Степанида, готовь ужин, барин молодой к нам пожаловали!

– Никакой я не барин! – твёрдо сказал Транзисторов, чтобы положить конец недоумениям.

– А говорил, в отпуск...

– В отпуск, – настойчиво повторил Транзисторов. – Производственный.

– Точно, издалека, – сам с собой согласился мужик.

Прошлёпал по узкому дощатому настилу к летней кухне и крикнул в дверь уже не так громко:

– Степанида, странный человек к нам пожаловал, готовь ужин.

– Почему же странный? – опешил Транзисторов.

Мужик посмотрел на него оценивающе, тряхнул космами грязных волос, приглашая за собой, и побрёл мимо кучи сломанных колёс в дом. В комнате летали мухи, в открытое окно жгло вечернее солнце. Расположившийся на лавке черноглазый мальчуган лет семи, завидев постороннего, резко собрал баклуши и выбежал из прихожей в смежную комнату.

– Тебя как зовут-то? – спросил мужик, указывая место на лавке за столом.

– Пол.

– Аполлинаруй, стало быть. А по батюшке?

– Лампьевич.

– Евлапьевич, – удовлетворённо кивнул мужик. – А меня Евдокимом зовут. Евдоким Фролов Покатилов. Слышал, может? Колёса-то мои по всей округе... Колёса чиню. А ты чего работаешь?

– Химик я.

– Учёный, стало быть.

– Учёный не учёный, – уклончиво ответил Транзисторов.

– То-то я гляжу сукно... – Евдоким протянул руку и пощупал пиджак на Транзисторове. – Немецкий?

– Импортный, – подтвердил Пол Лампьевич.

Сверкая счастливыми глазками, Степанида поставила на стол чугунок с картошкой. В ней зарилось столько душевной теплоты... Транзисторов почувствовал себя раскованно, свободно, как дома. Он облокотился на подоконник и вздохнул.

– Хорошо у вас тут, красиво.

– Красиво, – согласился Покатилов. – Извиняюсь, сундучок у вас тоже не наш?

– Чемодан наш, – небрежно проговорил Транзисторов.

– Петербургский?
– Нет, местная фабрика, – Транзисторов намурился. – Фамилия ваша не идёт из головы. Покатилов... Кажется, ваш внук или правнук будет у нас известным поэтом.

– Так ты к нам из будущего!?! – уловил суть Евдоким.

Поздно было Транзисторову сожалеть о том.

– Из будущего.

– Так бы сразу и говорил, – уважительно запыхтел Евдоким Фролович. – Фабрики, говоришь. Машины диковинные... Технический прогресс. На Луну, верно, летаете?

– Летает!

Транзисторов обрадовался, что его понимают – понятливый народ!

– А мы вот тут всё по старинке... Сено косим, коров пасём...

– Мы тоже сено косим, – откликнулся Транзисторов. – Но главное, у нас царя нету.

Евдоким Фролович полез в карман за махоркой:

– Господ много?

– И господ нету. Демократия.

Вошла Степанида и принесла горшок квашеной капусты с морковкой и чесноком.

– Слышь, Степанида, – Евдоким нежно обхватил жену за плечи. – К нам человек из будущего. У них там бар нету!

– Бар нету? – встревожилась Степанида. – Как же так? А кто же придёт и рассудит?

– Дура! – разгневался Евдоким и достал из-под стола бутылку с самогонном. – Барин, он что? Ему только плати. Я вот борова выращивал, старался, жирный такой боров вышел – а он забрал. За аренду. Сволочь он, барин.

Евдоким посидел задумчиво и твёрдо добавил:

– Все баре сволочи.

Степанида вздохнула и снова куда-то пошла.

– Да, будущее – это интересно, – мечтательно продолжал Евдоким. – Должно быть, хорошо там, в будущем. Ой, как хорошо! Оно и понятно, будущее – оно же прогресс, оно же всегда лучше, чем сегодня...

Выдрав лист из старой книжки без корочек, Евдоким свернул сигарку и закурил.

Транзисторов вяло смотрел в окно, как Степанида щипала лук на грядке.

– А говорили: крестьяне от зари до зари на поле, – вспомнил Пол Лампьевич.

– Так ведь сенокос, – запыхтел Евдоким. – А день суботный, банный день – святое дело. Вот только Пётр придет... А у тебя, Аполлинарий, чай, друзей нету? Что, один к нам при был?

– Есть у меня друг Кент...

– Иннокентий?

– Да, учились мы вместе. Но его в отпуск не пустили.

– Чудно, – повёл бровью Евдоким. – У нас не так. Если я гуляю – вся деревня со мной гуляет.

– Это отошло со временем, – объяснил Транзисторов.

Пришёл Пётр – угрюмого вида усатый человек. Бережно вычищенные большие кирзовые сапоги на нём поскрипывали.

– Здорово, мужики! – прогремел его голос.

Пётр с интересом оглядел приезжего и учтиво подал руку:

– Из будущего?

Транзисторов кивнул.

– А какая же у вас власть? – спросил Покатилов.

– Власть? – улыбнулся Транзисторов, отметив, что более всего неграмотный народ, пожалуй, любит обсуждать политику. – Власть у нас выборная. Она всё решает: сколько нужно школ, сколько больниц...

– Вот это жизнь! – восхитился Покатилов.

– А у нас даже больницы нету, – скорбно произнёс Пётр. – Один лекарь ходит по домам и всех лечит...

После бани и щедрого ужина Транзисторов забрался на сеновал и там заснул, согретый и опьянённый душистым сеном. Снилось ему детство, цветы и качели.

Проснулся он поздно, когда уже припекало солнце. Евдоким с Петром метали у забора стог.

– Утро доброе! – крикнул Транзисторов. – Сегодня вы тоже не пойдёте на поле?

– Воскресный день, – отозвался Евдоким, цепляя вилами сено. – Грех работать сегодня.

– Работать грех, а сами работаете, – выронил Транзисторов.

– Это не для дела, а так, для себя, – со стога отозвался Петр.

Весть о приезде из будущего уже побывала в каждом доме Малой Щедрухи, и когда Транзисторов умывался на улице холодной водой, мурлыча песенку «Небоскрёбы, небоскрёбы, а я маленький такой», зажиточный сосед Покатилова кричал через забор:

– А как там, в будущем, насчёт сапог?

– Свободно лежат.

Сосед откровенно присматривался к туфлям на Транзисторове.

– Хромовые?

Транзисторов поднял ногу, показывая подошву.

– Полиуретан.

Выпив молока, поданного заботливой Степанидой, он помог мужикам завершить стог. Потом они посидели, покурили и пошли ставить стог Петру.

Во дворе Петра Лобанова Транзисторов снова увидел ту зеленоглазую девушку с некрашеными волосами, которая встретила вчера в лесу.

– Здравствуй, красавица.

– Здравствуйте, – сказала она выразительно и застенчиво опустила глаза.

– Тебя как зовут?

– Ефросинья.

Жена Петра – Матрёна Аввакумовна Лобанова, румянощёкая женщина в сером сарафане – притворно жаловалась за обедом:

– Молоко у меня кислое, куры совсем худые, первачок слабый и яйца мелкие. А как в будущем с курами?

– В будущем – птицефабрики, – объяснил Транзисторов.

– Чего ради у тебя куры худые? – возразил зажиточный сосед, расположившись за столом, как самый желанный гость. – Твои куры в моём огороде всё перепортили. Ты бы хоть крылья им подрезала, что ли.

– Забор у меня низкий, – доверительно сообщил он Транзисторову. – Вот они, куры, через забор и летают. Эх, кабы досок мне...

– А если господ нету, то чьи же у вас фабрики? – поинтересовался Пётр.

– Наши – общие, акционерные.

– А куры? – спросил Евдоким.

– У нас всё общее.

– И лес? – оживился сосед Евдокима.

– И лес.

– Здорово! – обрадовался зажиточный сосед Евдокима. – Вот бы мне в будущее! Я бы досок-то оттудова попривёз...

Только в понедельник у Транзисторова выпало свободное время, и, расхчехлив спиннинг, он отправился к Глубоким Ключам, привычно здороваясь с каждым встречным.

Мужики спозаранку ушли в поле, и в деревне хозяйничали дети, женщины, старики, и шлялась под ногами мелкая живность. За околицей заливался жаворонок.

Внизу густая растительность выдавала пойму неширокой реки Глубокие Ключи. Когда Транзисторов увидел их, у него перехватило дыхание. Прозрачная вода, зелёный камыш с синими стрекозами, жёлтые лилии в затонах... Всё это так не вязалось с обычными представлениями городского жителя. Будь проклят тот, кто первый вылил в Глубокие Ключи ведро мазута! Неприятное чувство шевельнулось в Транзисторове и замерло.

Весь день он просидел на берегу, слушая птиц и наблюдая за полётом стрекоз над надводной гладью. В деревню он вернулся на закате, но мужики еще работали в поле.

– А как в будущем с пшеницей? – спрашивали Транзисторова малоцедрухинцы.

– Без хлеба не сидим, – сдержанно отвечал Пол Лампьевич.

По деревне ползли сплетни:

– В будущем всего навалом...

– Птиц на фабрике делают...

– Всё общее – бери, что хочешь!..

– Демократия...

Иногда эти слухи достигали сознания Транзисторова, и он пытался объяснить их происхождение. «Ограниченный кругозор, одностороннее восприятие жизни, – думал он, снисходительно улыбаясь. – Ясное дело – не образованный... но, главное, добрый народ, приветливый».

Прошлое уже проникло в его сердце маленькими привязанностями. Под впечатлением здешней жизни он и не замечал за собой, что чаще, чем нужно, навдывается в гости к Петру Лобанову, где ищет встречи с Ефросиньей. А там, желая чуда, поджидала Транзисторова Матрёна Аввакумовна.

– Аполлинарий! – молила она. – Отправил бы ты меня в будущее. Хоть на часок, а? Ты не бойсь, я там хулиганить не буду. Я только туда и обратно, на минутку. Уж больно охота посмотреть хоть одним глазком: как там, в будущем?

– Я попробую, – рассеянно отвечал Пол Лампьевич, и поздним вечером шёл на Красную горку посмотреть, как молодёжь, вернувшаяся с поля, при кострах играет в лапту и горелки. Там среди ровесников бегала и звонко смеялась Ефросинья. Она казалась такой далёкой и недоступной, как иная галактика: у неё был свой мир, ей светили другие звёзды.

Тогда Транзисторов открыл как-то чемодан и свинтил из трубок машину времени.

– Ты никак домой собрался? – спросил Евдоким, откладывая недочинённое колесо.

Транзисторов нежно погладил никелированный пульт и тихо улыбнулся.

– Матрёна Аввакумовна будущее просила посмотреть... Хочешь, я вместе с ней и Степаниду твою отправлю?

– Хорошо ты мужик, – запыхтел Евдоким и взволнованно полез в карман за махоркой. – Будущее – оно интересно!..

Этой ночью исчезли из Щедрухи две женщины. Весть облетела деревню. Интерес к гостю возрос. Только Пётр, было, рассердился, узнав о выходке своей жены. Но под натиском общего мнения простил: всё-таки в будущее сгнула.

Транзисторов с тех пор каждый день стал уходить с мужиками в поле, где от зари до зари косили они траву. В полевой кухне за обедом он виделся с Ефросиньей. Люди были добры, веселы и не чуждались приезжего. Работали с песнями – так легче.

– А в будущем песни весёлые? Спой! – про-
сили Транзисторова.

– У меня голоса нет, – виновато клонил го-
лову Транзисторов. – В следующий раз приеду
– вам магнитофон с записями привезу.

Казалось, отпуск складывался удачно. И
погода стояла хорошая, редкое облако засло-
няло июльское солнце.

Но тут, как гром с ясного неба, вернулась
из будущего Матрёна Аввакумовна в противога-
зе и всю деревню до безумия довела:

– Святы небесныя!.. И даже тучи там раз-
ноцветные. Не жизнь у них, а ярмарка. На
улицах толкучка, бабы крашенные, почти голые
ходят. Дорогу не перейти – сшибут. А вдоль
дороги, что твои мётлы в землю воткнутые, де-
ревья стоят стриженные, окультуренные!

Глядя на противогаз и представляя мётлы
вдоль дороги, селяне до утра молились перед
лампадкой. Мужики с тоски перепились.

К Транзисторову прибежал бледный дя-
кон малоцехрухинского прихода.

– Значит, в будущем конец света?!

– Бросьте вы людям голову морочить, би-
блейские сказки вдалбливать, – осуждающе
проговорил Транзисторов.

– Это библейские сказки? – обозлился дя-
кон, потрясая противогазом. – Антихристы!
Истинно сказано: наступит смута великая!..

Чтобы не смущать народ, противогаз тот
Транзисторов утопил потом в озере.

Мало-помалу страсти утихли. Обычным
кругом дел, сенокосом, грибной прохладой
и запахом земляники хозяйка-природа успо-
коила души людские. И хоть Степанида по-
прежнему была где-то там, в неопределённом
будущем, селяне не нервничали. Даже Евдо-
ким, хоть скучал откровенно, но не переживал
за неё – вернётся. И Транзисторов продолжал
ходить с мужиками в поле.

– Слышь, Аполлинарий, – сказал как-то Ев-
доким, – а то оставайся у нас, в прошлом. Мы
тебе всем миром хату справим, такую невесту
найдем... вон хоть Ефросинья.

Пол Лампьевич был человеком дисципли-
нированным. Он покачал головой.

– Не могу.

В силу своего воспитания он, действительно,
не мог не вернуться на работу из отпуска и
тем самым совершить прогул, да ещё оставить
у себя, попросту говоря, украсть, машину вре-
мени. А потому в назначенный день он осед-
лал выданный напрокат аппарат, пристегнулся
ремнями безопасности и исчез.

Над каменным городом клубился желто-
коричневый дым, пахло выхлопными
газами и машинным маслом, стоял шум потока
людей и автомобилей... Спрыгнув на асфальт,
по привычке, выработавшейся в деревне, Тран-

зисторов поздоровался с первым встречным.
Тот долго шёл, спотыкаясь, и оглядываясь.

Окинув взглядом длинную улицу, Транзи-
сторов сообразил, что если с каждым здоровать-
ся, скоро язык отсохнет. Но когда с чемоданом
он влез в автобус, забыл и опять сказал:

– Здравствуйте.

В салоне испуганно зашептались.

– Смотри, глаза горят...

– Уступи ему место...

Транзисторов обиделся и решил добираться
до дома пешком. Он отправился напрямик
проходными дворами и переулками. Но через
квартал встретил Покатилову, одетую в мод-
ный французский костюм.

– Степанида Прокофьевна! – окликнул
Транзисторов.

Та нехотя оглянулась.

– Степанида Прокофьевна, – запыхавшись,
подбежал Транзисторов.

– Пани Кофевна, – холодно поправила По-
катилова, – А вас не припомню, молодой че-
ловек.

– Ну, как же, Пани Кофевна? – обескура-
женно проговорил Транзисторов. – Ведь мы с
вами в Малой Щедрухе...

– Аполлинарий! – выдохнула Степанида.
На глаза её навернулись слёзы, которые она
тут же смахнула перчаткой и посмотрела с
укором. – Что ж ты – насулил добра, говорил,
господ нету...

– Преувеличиваете, – нахмурился Транзи-
сторов.

– Как на исповеди, – возразила Степанида.
– Только исповедаться здесь некому – к попу
и то очередь.

– Ну, прошлое тоже не сахар, – заметил
Пол Лампьевич. – Все лишь бы помолиться...
а пьют безбожно.

– Нет, не приемлет сердце моё... – покача-
ла головой Степанида.

– Как вы можете не находить прелести в
своём будущем? Ведь это же ваше будущее!

– А как вы отвергаете своё прошлое? На-
слушалась я лекций...

Транзисторов недовольно пнул чемодан с
машиной времени.

– Хороша диалектика.

– Отправляй меня обратно, – с грустью по-
просила Степанида.

В проходном дворе было тихо и безлюдно.
Лишь воробьи возились с корочкой хлеба.

– Ладно, отпустим грехи друг другу, – при-
мирительно сказал Транзисторов.

Он свинтил трубки как надо.

Степанида забралась на аппарат.

– Живите тут с миром! – махнула она рукой
на прощанье.

Александр Головкин.
(1990 г.)